

Как поднимается Ветер...

Маленький кабинет Лоренса начал чувствоваться немного тесным. Физически, здесь были только он и Парсон, но два жнеца занимали немало места со своими бесшумными торнадо-телами. И ещё Дегоз кричал.

– 'Я знаю, что это твоих рук дело! Ты как-то стоишь за этим!'

Вместо ответа, Парсон казался больше заинтересованным в наслаждении вкусом своего сэндвича с мороженым.

Овера ответила за него. – '«Как-то», а? Что ж, не смотря на это очень неоспоримое, нагруженное доказательствами обвинение, мне придётся зайти вперёд и сказать, что это не так.'

– 'Это болезненно очевидно!' – воскликнул Дегоз. – 'Насколько именно мы тупые, по-вашему?! Ни для кого не секрет, что ты и Парсон занимали эту должность до нас с Лоренсом! Ваша привязанность к рейнлордам затуманила ваше суждение!'

Парсон теперь решил вмешаться. – У нас нет сейчас на это времени, я не прав? Рейнлорды-

– 'Заткнись!'

Парсон нахмурился и вернулся к своему удовольствию.

– 'Мы с Парсоном защищали западный периметр. Можешь подтвердить это у капрала Рофала, если хочешь.'

Лоренс не был уверен, что делать с обстоятельствами. В основном он был просто рад тому, что сам не был целью гнева Дегоза, в качестве исключения. Идея освободить Юсеффа, на самом деле, посещала его мысли когда-то, но с постоянно прицепленным к нему Дегозом это сделать было почти невозможно. Если Парсон и Овера действительно ответственны за это, Лоренс будет впечатлён.

Что Дегозу ещё предстояло сказать им, однако, было то, что они уже поймали предполагаемого виновника. Подполковник Адам Лерой оказался тем, кто уничтожил голову Юсеффа, и стражи только успели не позволить ему уничтожить и голову сына Юсеффа, не то чтобы с этого была большая разница, поскольку жнец мальчика тоже в заложниках.

В любом случае, Дегозу это казалось недостаточно. В качестве подчинённого, Адам и его жнец никогда не показывали себя чем-то бóльшим, чем тупые инструменты. Хороши в следовании приказам, и более не в многом. Единственная причина, по которой они достигли более высокого звания, чем Юсефф и Аксиолис, заключается в том, что Элрой решили вырастить так много детей.

Что приводило к другому вопросу. Где Марианна во всём этом? По словам наблюдателей, она как-то убила шестерых хорошо натренированных слуг в одиночку и сбежала, что было почти настолько же удивительным фактом для Лоренса, как и то, что она отвела оставшихся членов своей семьи к другим рейнлордам.

- 'Уверен, у вас может быть любое количество соучастников в этой вашей игре,' - продолжал Дегоз. - 'Не думаю, что мы поверим кому-либо о твоём местонахождении. Почему вы просто не признаётесь?'

Парсон обменялся задержавшимся взглядом с Оверой, наверно они беззвучно переговорили.

- 'Полегче, Дегоз,' - сказал Лоренс. - 'Может он и ведёт себя нелепо, но мы не должны нарываться на драку с Парсоном, особенно здесь.'

- 'Мы нужны им настолько же, насколько они нам,' - приватно сказал Дегоз. - 'Санко идёт, так что и они не могут позволить себе драку с нами. Это идеальное время, чтобы надавить на них тяжёлыми вопросами. По факту, это единственное время.'

Лоренс задумался о том, сколько в этом было правды на самом деле, но он знал, что в споре не было смысла.

Парсон доел своё мороженое. Он причмокнул губами несколько раз и глубоко вдохнул. - Я просто расскажу им. Если они подозревают нас, то больше нет смысла в чём-то притворяться. Мы на одной стороне, в конце концов.

Овера публично вздохнула. - 'Полагаю, ты прав. Тогда, вперёд.'

- О, но сперва звукоизоляция.

- 'Точно.' - Овера влетела в тело Парсона и через мгновение его предплечья исчезли, оставив только дико развевающиеся рукава из-за неожиданного вихря, поглотившего комнату.

Лоренс уже видел похожие техники раньше. Воздушный гул кислорода Парсона помешает физическому подслушиванию, а точно контролируемые движения позволяют мужчине добавить свою душу к воздуху и таким образом предотвратить жнецов от подслушивания через стены.

И Лоренс резко почувствовал себя неудобно. Такие меры предосторожности, это до тревожности не было похоже на Парсона и Оверу. – Времени мало, так что позволь сказать быстро. Во-первых: мы знаем ваш секрет. Вы с Лоренсом принадлежите теневой фракции в Авангарде, теневой фракции, которая верит, что Серман больше не может вести всех нас. Что является правдой. Он не может.

Онемевшему Дегозу потребовалась секунда на ответ. – 'Это не... Мы не-'

– Прошу. Не будем тратить время. Мы также знаем, что Ламонт глава вашей теневой фракции, и никто не способен говорить с ним напрямую из-за огромной необходимой для этого секретности. Потому что его постоянно окружают поддерживающие Сермана, Ламонт ограничен в послании закодированных инструкций до тех пор, пока не придёт время, и он не сможет раскрыть себя.

Учитывая точность и детали, Лоренс мог сказать, но они не блефуют, но он не понимал, откуда Парсон и Овера столько знают. Это не звучало так, будто они сами члены, но даже если они ими были, это не объясняет того, откуда они узнали про Лоренса и Дегоза. Все члены фракции Ламонта держат свои личности в секрете, даже друг от друга. Только сам Ламонт должен знать всех. Лоренс хотел спросить об этом, но не знал, стоит ли ему вообще что-нибудь говорить. К счастью, ему и не пришлось.

– Ваша теневая фракция основана не Ламонтом, – сказал Парсон. – Она основана через посредника. Нами.

Лоренс невольно моргнул.

– Как видите, сказать нам, что вы не её члены, всё равно, что попытаться продать мороженщику мороженое. Я этот мороженщик. Это совпадение, но я действительно был мороженщиком, когда был моложе. Мой любимый вкус-стоп, нет. Забудь о том, что я это сказал. Эм... где мы остановились? Фракция Ламонта. Верно. Мы основали её, чтобы предоставить Ламонту поддержку, которая ему требуется, с целью занять место Сермана. Важно держать нашу вовлечённость в секрете, потому что к времени начала фракции, нам придётся принять ещё более центральную роль развития рядом с Серманом и достижения его доверия. Чего мы уже добились. Скоро Ламонт сделает свой шаг и Авангард переживёт смену режима впервые за пятьсот лет. Захватывающе, нет?

Лоренс не представлял, что теперь сказать.

– 'Если всё это правда,' – сказал Дегоз, – 'то какого чёрта вы освободили Юсеффа? Вы его освободили, не так ли? Полагаю, сюда объяснение и стремиться.'

– Да, я приказал Адаму отпустить его, потому что мне было скучно-оп, нет. Мы приказали освободить Элроя, потому что осада продвигается слишком медленно. У нас расписание и мы не можем оправдать сокрушение рейнлордов, пока они не поднажмут со своим штурмом гораздо сильнее, чем сейчас. И, очевидно, покинуть Хранитель для сражения с ними будет

неразумно. Если повезёт, Юсефф сможет мотивировать их для нас.

- 'О каком расписании ты говоришь?'

- Всё, что вам нужно знать - вскоре Ламонту потребуется полное наше внимание, поэтому мы не можем тратить гораздо больше времени в Рейноле. Но если мы уйдём раньше, чем закончится осада, многие наши драгоценные подчинённые здесь будут убиты или захвачены. Присутствующие в этой комнате тоже, конечно. Так что, такая дилемма.

Дегоз теперь казался нерешительным, хотя было ли это из уважения, озадаченности или страха Лоренс не знал. Наверно, все три. - 'Что насчёт Санко? Она тоже вовлечена в ваш план?'

- К несчастью нет. Она полностью верна Серману.

- 'Но она может прибыть в любой день. Если она присоединиться к рейнлордам против нас-'

- До этого не дойдёт.

- 'Как вы можете быть уверены?'

- Придётся просто нам поверить.

- 'У вас есть что-то в рукаве?'

Парсон только улыбнулся.

И Лоренс начал понимать, насколько он ошибался в этих двух. Сколько он их знал, Парсон и Овера были самыми дурными идиотами среди всех вышестоящих. Парсон, наверно, немного больше, чем Овера, но всё же. Они всегда были дурными бездельниками, наслаждались собой слишком много на взгляд Дегоза и Лоренс не мог действительно не согласиться.

И вот, теперь, когда Лоренс задумался об этом, они были в значительной степени успешны в большинстве миссий, в которых он работал с ними.

Нет.

Было в этом большее, разве нет? Сейчас, он и Дегоз работали с ними уже дюжины дюжин раз, но Лоренс пытался вспомнить хоть один пример, когда они действительно провалили миссию. Иногда всё действительно становилось беспорядочным, некоторые официальные доклады свидетельствовали о неудаче в результате, но правдой было нечто большее.

Лоренс вспомнил случай во время Войны Джунглей, когда Парсон потерял след одного буйного Мельмурского дипломата, которого они должны были защищать. В итоге они нашли дипломата в тюрьме Избавления и спасли его. Мужчина был так благодарен, что продолжил поддерживать Авангард десятилетиями ключевой политической поддержки, которая, наверно, и спасла Мельмур от того финансового разрушения, что настигло и раскрошило соседние страны.

Потом ещё была попытка убийства, которая не должна была закончиться успехом, но в итоге всё равно свершилась, потому что Парсон настоял на продолжительной проверке экипировки тем утром. Ламонт выплеснул на них ад за эту оплошность, и вот, спустя несколько лет были обнаружены документы, которые свидетельствовали о том, что человек, которого они защищали, поддерживал секретные тюремные лагеря для Избавления.

Всё время происходило что-то подобное, понял Лоренс. Парсон допускал какие-то ошибки, помечался за них идиотом, и все об этом забывали. По крайней мере, Лоренс забывал. Лишь в ретроспективе стало ясно, что большинство этих «ошибок» так или иначе показали себя с должной стороны.

В прочем, Лоренс не видел смысла. Одним было скрывать свои умения от врагов, но скрывать умения от союзников было другим. Но опять же, учитывая звание Парсона, наверно правильные люди уже и так знали всё, что должны были.

Лоренс дивился тому, насколько юным и глупым он может чувствовать себя спустя все эти годы. Он бы хотел перестать быть невеждой, каким был в своей юности, но казалось, что этого не произойдёт. У Дегоза, кстати, такого оправдания не было. Жнецу было уже несколько сотен лет, что оставляло его моложе большинства жнецов, но всё же. Если Дегоз не увидел их уловок, то Лоренс уже не чувствовал себя так плохо.

Но это заставило его остановиться. Если он мог оказаться совершенно неправ насчёт Парсона, тогда, наверно, он неправ и в том, что до сих пор держится за свою веру в Сермана. Дегоз и Парсон, они оба выглядели такими уверенными, и Лоренс знал, что, по крайней мере, для Дегоза это не личное дело. Дегоз просто верил, что Серман и Тенебрак больше не способны нести груз лидерства. И действительно, Лоренс солгал бы, если бы сказал, что не видит некоторые достоинства в этом мнении.

Но всё равно, было тревожно думать о том, что произойдёт, если однажды Серман падёт. Кристаллический Титан, это прозвище столько веса несло за собой. В некоторых местах просто его произношения оказывалось достаточно, чтобы остановить войну. И до тех пор, пока другие прозвища существуют, прозвища вроде Безумного Демона, Живой Пустоты, Монстра Востока, Торговца Смерти, до тех пор, пока они существуют, Кристаллический Титан кажется полностью необходимым. Лоренс с трудом представлял, как кто-нибудь однажды выйдет вперед и сможет встать в его огромные ботинки.

Но он полагал, что однажды кому-то придётся.

-+-+--+--

Измаил Блэкбёрн сидел, держа своё лицо в руках. Чёрный Зал был достаточно глубоко в замке, чтобы он больше не слышал приглушённых встрясок битвы. Он подумал, что это поможет ему думать, когда шёл сюда, но в итоге он только замечал полную тишину.

Три дня прошло с начала осады. Ещё немного теперь осталось. По словам его разведки Сиболты и Делагуна закончили подземную сеть. Теперь, когда они пойдут на штурм всеми своими силами, лишь вопрос времени.

Он должен был понять, что делать. Защита семьи была его обязанностью. Даже, если Мельчор был физически самым сильным, Измаил должен был увести семью Блэкбёрн от гибели, что уже стоит у их двери.

Это была такая неразбериха. Они притащили детей Элрой сюда только ради того, чтобы разделить внимание других рейнлордов и позволить Парсону быстро закончить осаду Рейнола. После чего Парсон пришёл бы в Люцо и помог дому Блэкбёрн разгромить противников раньше, чем кто-то прозреет. Но сейчас Измаил сомневался в том, что Болотная Скала простоит так долго.

Если бы это были только Сиболт и Делагуна, может, это и было бы выполнимо, но этот один лишний сэндлорд доказал, что он страшнейшая деталь всей машины. Он был причиной, по которой они так быстро закончили сеть душ. Со всеми попытками вмешательства, какие предпринимали Блэкбёрны, это должно было занять в два раза больше времени. Но нет.

Это определённо не было лучшим планом с Ибаем здесь, но Парсон оставил небольшой выбор. Если присутствие Ибая обнаружат, это будет концом всего. И не будет иметь значения, что Ибай на самом деле никого не убивал раньше, как и не будет иметь значения, что Ибай единственный сын Измаила, единственное дитя, которого удалось ему и его жене создать за прошедшие тридцать восемь лет попыток. Другие рейнлорды никак не позволят отклонению жить. Исключений не было. Особенно сейчас, после того, как Ибая так долго хранили в секрете, после всего, что семья сделала, чтобы хранить Ибая в секрете.

Нет, сейчас уже было слишком поздно для примирения. Элрой захотят утопить их семью в озере пламени до самого конца.

- 'Уже решил?' - прозвучал голос Ролтама с эхом приватности.

Измаил поднял взгляд и увидел его парящим над центром стола. В его глазах жнец был птерозавром, светящимся тусклым серым, но только треть его плоти оставалась нетронутой, остальная гнила или её просто не было. Ему всегда было интересно, почему его подсознание решило видеть жнецов полумёртвыми вымершими летающими рептилиями. Даже учитывая его изучение палеонтологии в юности, птерозавр казался странным выбором. В прочем, сейчас у него были более важные вопросы в голове.

– Нет, – сказал он вслух, поскольку в Зале всё равно некому было услышать. – Скажи мне, что я должен сделать, Ролтам. Скажи, как это может хорошо закончиться для нас.

– 'Что ж, я полагаю, Парсон и Овера появятся раньше, чем они обещали, и спасут нас,' – сказал Ролтам. – 'Но искренне, я не полностью уверен в том, появятся ли они вообще. Я никогда не понимал их настоящих целей. Наверно, мы просто инструменты, которые уже пережили черту своей полезности.'

Измаил потёр лоб. – Я не это хотел услышать...

– 'Сейчас не время для лжи, старый друг.'

Измаил только вздохнул и позволил своим глазам остекленеть. Борьба была такой выматывающей. Наверно, лучше всего будет просто сдаться. Наверно эта битва оказалась неизбежным итогом. Это не остановить. Даже, если они сдадутся, достигнут того же исхода. Неизбежно. Неизбежно... И его разум ушёл в мысли.

Мужчина. День его свадьбы. Он встретил идеальную женщину. Иногда она бывала немного импульсивна и непредсказуема, но он любил в ней это. Ему было трудно поверить, что Нир согласилась выйти за него. Хотел бы он, чтобы его родители могли её встретить. Они оба были убиты за два года до этого. Кузен Мельчор не хорошо принял их смерти. Бедняга так горевал за эту семью, прожив через угасание целых двух поколений. Жених был благодарен, за то, что кузен Мельчор был способен улыбнуться в этот день.

Блаженство продлилось недолго. Кузен Мельчор стал человеком, которого боялись другие, которого боялась собственная семья. Мельчор был одержим неиссякающей ненавистью, нуждой найти каждого ответственного за вред его семье в давно прошедшие годы. Мельчор жил двумя жизнями, семьёй и Авангардом, не позволяя никому составить ему компанию.

Тем временем в Болотной Скале наступило спокойствие, семья Блэкбёрн пыталась перестроить израненный род. Было множество свадеб всего за несколько коротких лет. Семья росла. Вся, за исключением собственной семьи мужчины.

Он и Нир, похоже, не могли завести детей. Даже после нескольких обследований и анализов, доктора говорили им, что проблема идиопатическая. Необъяснимое бесплодие, назвали это они.

Годы без решений. Современная медицина помогала немного. Усыновление даже не рассматривалось. Основная ветвь семьи, им требовался наследник по крови.

Тогда он и Нир настолько обезумели, что едва ли могли смотреть друг на друга. С помощью терапии, в прочем, их отношения смогли медленно восстановиться. И как раз когда они начали становиться ближе друг к другу, чем когда-либо раньше, свершилось чудо. Нир забеременела.

Вдруг на пороге отцовства. Никогда он не чувствовал такого раньше. Ожидание, восхищение. Это было даже чудеснее, чем он представлял. Он думал, что его род достиг конца, что одна из более юных ветвей поведёт семью, когда он погибнет. Это будет мальчик, сказали ему. Сын.

Это судьба. Должна быть ею. Он никогда не верил в подобные вещи до сих пор, но не было иного способа объяснить лавину счастья. Судьба благословила его, испытал его семью трудностями.

Нир была не настолько воодушевлена, но он был только рад быть любящим мужем. Он хотел делать всё. Часто он отзывал её слуг, чтобы он сам был тем, кто принесёт ей желанное. Это раздражало её, временами, и она говорила ему, что он должен сконцентрироваться на работе с Авангардом, в другое время она говорила, что была неправа и рыдала, уговаривая остаться с ней. Она никак не могла найти себе места, была ещё более непредсказуемой чем раньше, пока гормоны устраивали хаос в её теле.

И затем пришёл этот день. Ибай родился.

Когда он увидел своего сына, его сердце переполнила такая гордость и радость, что он чувствовал изменения в себе. Чувствовал, что он больше не тот же человек. Он теперь отец, но было в этом и большее, понял он. Отец по крови, но он уже был отцом по духу некоторое время. После того, как он потерял прошлое поколение, а Мельчор уехал, он остался тем, к кому каждый обращался за ответами и наставлениями. Ролтам пытался помочь ему узреть всё это, и теперь он понимал глубину ответственности. Ибай показал ему.

Несмотря на это.

Ибай был очень странным. Впервые это стало ясно, когда доктор пытался сделать ему прививку. Игла не могла пронзить кожу мальчика. Прочное пятно тёмно-коричневого появлялось на её пути каждый раз, когда пытались надавить иглой.

И они не знали почему. Не знали, чем был Ибай. Но они могли сказать, что коричневая тень была создана из воображаемой силы. Мальчик получил свои прививки усиленной душой иглой. Они забрали его домой и попытались понять, что делает их сына таким особенным.

Во всём он был нормальным ребёнком, за исключением только этой грязной тени. Спустя неделю тень начала появляться и исчезать со случайными интервалами, вращаясь из его крошечной головы, пальцев рук и ног, тут же исчезая как дым. На взгляд могло даже показаться, что это какие-то странные волосы.

Тогда появился Парсон Майлс. Как глава всех сил Авангарда в Саире на тот момент, его ценили как товарища и друга семьи много лет, особенно после их недавней трагедии.

– Ваш сын это то, что мы называем отклонением, – говорит Парсон. Обычно он был весёлым. Сейчас не очень.

Знание об отклонениях всё ещё было секретом высочайшего уровня в Авангарде, но учитывая уникальные обстоятельства семьи, Овера сказала, что они сделают исключение.

И Парсон объяснил. Ибай – чудовище в форме человека. Как создают этих монстров ещё не было известно, но в этом было каким-то образом замешано Избавление. Отклонения проявляли силу, кажущуюся потусторонней даже по стандартам слуг. И они становились сильнее поглощая души. Они были смертоносными существами. Ибай принесёт лишь гибель их семье.

Поэтому лучше всего будет убить мальчика сейчас.

Они, конечно же, отказались, и настояли на том, чтобы Парсон и Овера ушли.

– Ладно, – говорит Парсон. – Мы уйдём. Но если не собираетесь его убить, то держите его существование в секрете. Однажды вы увидите правду своими глазами, и я подозреваю, что скоро остальной Авангард узнает об отклонениях. Когда это время придёт, вы не захотите, чтобы они узнали, что он такое.

Он и Нир начали беспокоиться о будущем своего сына. Они решили проявить осторожность и держали Ибая в секрете ото всех за пределами семьи. Он приказал всем ветвям вернуться в Люцо. Он хотел, чтобы его семья собралась вместе.

Он объяснил их обстоятельства всем главам ветвей. Они все были настолько ужасно юны. Без Мельчора он был старейшим слугой и аналогично каждый знал, что Ролтам был одним из самых древних и верных жнецов семьи. В паре их возраст приводил к определённому благоговению, позволяющему им получить благосклонность каждого; и в давно затянувшихся, всё ещё глубоко осчитимых последствиях последних поражений, никогда он ещё не видел свою семью такой единой и утешительной как сейчас.

Пять лет прошли.

Ибая нашли крепко сжимающим мёртвого кота во сне. Животное искалечено. Ибай покрыт его кровью.

Они не были уверены как, или даже ДОЛЖНЫ ЛИ они его наказать. Несмотря на свой шок и страх они попытались подойти к этому рационально. Решили поговорить со своим мальчиком сначала.

– Ты понимаешь, что ты сделал, миджоро?

Ибай охотно улыбнулся. – Да, папа! Я убил его!

И тогда они поняли, что уже к пяти годам Ибай понимает концепт смерти. Мальчик уже знает, что жизнь может закончиться, несмотря на то, что никто и никогда ему не объяснял

этого.

Как и не пугала она его хоть сколько-то. Вместо этого, Ибай решил спросить, – А какая она, эта смерть, папа? Я смогу умереть скоро?

– Смерть это не то, чего нужно желать, миджоро.

– Почему нет?

– Потому что жизнь драгоценна. На самом деле, жизнь – самое драгоценное в мире. Ты понимаешь? Ибай, то, что ты сделал, забрал жизнь кота, было неправильно. Ты не должен больше этого делать.

Ибай взглянул с любопытством. – Но я хочу это делать, папа. Почему я хочу этого, если это неправильно?

Им трудно было ответить на столь странный вопрос. – Только потому, что ты хочешь чего-то, не делает это приемлемым, – сказала Нир.

У Ибая ушло время, чтобы понять это, и даже когда мальчик сказал, что понял, они не искренне в это поверили.

Более того, они пришли к пониманию того, что несмотря на знание смерти, мальчик не представлял, что такое боль. Казалось, он никогда не чувствовал её раньше. Они попытались научить его ей. Это послужит наказанием, решили они.

Их попытки вышли боком. Ибай вовсе не был против боли. Скорее, казалось, что она только делает его счастливее.

Невероятно тревожное открытие, это было. Они начали понимать, что Парсон мог быть прав. Но они не откажутся от Ибая. Это невозможно.

Они изобрели другие методы наказания. Изоляция и скука. После всего одной пробы – один в звуконепроницаемой комнате без чего-либо, чем можно было себя занять, всего на пятнадцать минут, и Ибай стал гораздо более приемлемым. Они нашли что-то, чего он искренне боится. Они должны использовать этот инструмент осторожно, дабы наставлять его поведение в правильном направлении.

И по большей части это, похоже, работало. Было тревожно, да, и определённо требовалось терпение, но Ибай, кажется, понял, что не должен вредить другим.

Ибай был трудным ребёнком, как минимум, но им удавалось управлять им. Правда, мальчику

просто требовалось развлечение и надзор, но они требовались постоянно. Стало ясно, что Ибай не подходит на место потомка семьи. Они попытались сделать второго ребёнка, но до сих пор это оказывалось бесплодным делом.

В качестве предосторожности он выбрал кузена Горацио наследником. Это было печально, конечно, и он не сказал Горацио о своём выборе, но, по крайней мере, он мог быть спокоен, понимая, что Горацио замечательный человек, любознательный, умный и стойкий. На самом деле следовало выбрать кузена Мельчора, чувствовал он, но где сейчас может быть этот человек он не представлял, и даже если бы представлял, Мельчор уже отказался от роли лидера однажды и без сомнений откажется снова, когда придёт время.

Они вновь протянулись за Парсоном Майлсом. Хотели извиниться перед ним за то, что были так грубы с ним и надеялись, что он больше узнал об отклонениях в прошедшие годы. Парсон сообщил им, что в любом случае планировал скоро навестить их.

Когда он прибыл, однако, то не казался сильно заинтересованным в помощи им с Ибаем. Вместо этого, у него была собственная просьба. – Как лорд Болотной Скалы ты надзираешь за Северо-западной Стражей Границ, не так ли?

– Так. А что?

– Пятнадцатого числа следующего месяца могу попросить тебя убрать твоих стражей на ночь?

– Зачем хоть?

– У меня есть кое-какие друзья, которым нужно попасть в страну.

– Что это за друзья, которым необходимо прокрасться через Стражу Границ?

– Такие, о которых лучше не спрашивать, – ответил Парсон.

Он нахмурил взгляд. – Что, прости?

– Измаил, я пришёл к тебе с этим вопросом, потому что требуется благоразумие, которое, как я знаю, одна из твоих сильных сторон.

– Это я понимаю, но даже так, боюсь, я должен больше знать об этих людях, если буду помогать тебе провести их в мою родную страну. И то, как ты говоришь о них, не помогает моему воображению.

Юная улыбка Парсона исчезла. – Что ж, тогда это затруднительно, потому что больше ничего

о них я сказать не могу.

- Тогда я не могу тебе помочь.

- Но ты можешь. И поможешь. Или ты хочешь, чтобы остальные твоего рода узнали о вашем сыне?

И вот оно. Стена начала падать, хотя они и не понимали, в каком масштабе.

Сперва он не верил в то, что услышал. Было правдой, что даже будучи его начальником, Парсон не мог просто уйти от вопроса, заявив, что дело «секретно», покуда вовлечена территория рейнлордов, но даже так, это было более чем абсурдно. Такой старый друг станет угрожать его семье, пока они так уязвимы, это было бóльшим предательством, чем они когда-либо переживали.

Но несмотря на всё, он сделал то, о чём просил Парсон. Межнациональная дорога была оставлена без защиты на один вечер. Она соединяла только Саир и Интар. Он не мог и представить, что нужно было Парсону, чтобы сделать это. Войска Авангарда уже могли передвигаться меж двух стран относительно легко. Наверно, Парсон хотел перевести такое огромное количество людей, что скажи об этом другим рейнлордам, и они могли испугаться. Но если причина действительно была в этом, почему Парсон просто не сказал об этом?

И тогда пришла весть.

Семья Элрой была истреблена. Лишь пара подростков выжила.

И он понял. Это не было совпадением.

Он тут же связался с Парсоном.

- Я советую тебе ничего не говорить, - сказал ему Парсон. - Иначе вина за их смерти может упасть на твои плечи.

- Парсон... Что именно ты сделал?

- И вновь, я благодарен тебе за твоё благоразумие, до тех пор, пока ты благодарен мне за моё.

Больше информации из генерала он достать не смог. От других рейнлордов он узнал, что Избавление было виновником, но все они сбиты с толку тем, как такая большая и опасная секта Избавления могла проникнуть в Саир незамеченной.

И он оказался перед выбором. Продолжать молчать или рискнуть, рассказав о произошедшем.

Это разрывало его сердце, но они с Ролтамом решили ничего не говорить. Они посчитали, что учитывая, насколько мало они знают, расскажи они эту «версию» правды, и наверняка она отзовется на них. Они не должны привлекать внимание.

К счастью, другие рейнлорды всё равно обнаружили следы Избавления. Его семья помогла их выследить, в то время как Ибая держали под стражей в Болотной Скале. Охота закончилась резко и с небольшим удовлетворением от того, что секта уже была уничтожена. Их отрубленные головы оказались ужасным зрелищем. Позже он приватно спрашивал, но, неудивительно, Парсон не взял на себя ответственность.

Он не знал что и думать. Рейнлордов часто ранили в прошлом, но резня семьи Элрой была несомненно самым большим шрамом за всю его жизнь. Потери его собственной семьи за каких-то семь лет бледнели в сравнении и только усиливали его сочувствие к тому, через что прошли юный Юсефф и Джоана.

И он сыграл в этом роль.

Вина связала его желудок в узел. Позор разрезал сердце пополам. И он ничего не мог сделать, чтобы это исправить. Если он признает свою вовлечённость, другие рейнлорды узнают о существовании Ибая. Его семья будет разрушена. Парсон Майлс убедил его в этом. Лишь молчание защитит его кровь.

Прошли годы.

Он с отвращением и навязчивым страхом узнал о том, что Парсона повысили до звания капитана-генерала. Он был рад только тому, что теперь Парсон покинет Саир.

Маленькая доля облегчения пришла, когда кузен Мельчор вернулся в Болотную Скалу. Спустя всё это время мужчина наконец-то добился мести за их семью.

Он боялся, что Мельчор уйдёт вновь, или хуже, посчитает его предателем за то, что он сделал. Но этот секрет он не мог держать от него. Если бы попытался, то Мельчор никогда бы не простил его, после того, как неизбежно узнал. Поэтому он всё объяснил.

И кузен Мельчор его утешил.

Из всех возможных реакций эта была наименее ожидаема. Этого было достаточно, чтобы заставить его плакать. Он просто не мог быть ещё более благодарен возвращению кузена, чем был в тот момент...

Измаил медленно моргнул, пока его мысли возвращались к настоящему. Воспоминания всё ещё висели над ним тяжёлым грузом, над его душой. Они желали, чтобы он ушёл, сдался и просто позволил произойти всему тому, что произойдёт. Это было так заманчиво.

- 'Я тоже устал, знаешь ли.'

Тяжёлый тон жнеца вытянул Измаила из его оцепенения.

- 'Не води себя так, будто ты единственный,' - сказал Ролтам. - 'Я был прямо здесь, с тобой, всё время. Твоё горе - моё горе, Измаил. Твоя вина - моя вина. И твоя тревога определённо и моя тревога тоже.'

Измаил только кивнул.

- 'Но сейчас наши чувства не имеют значения,' - сказал Ролтам. - 'Пришло время прекратить нерешительность. Если ты намерен сдаться, то откладывать это больше нельзя.'

- Думаешь, если мы сдадимся, будет какая-то разница? Как только они узнают всю правду, думаешь, они будут милосердны?

- 'Это... возможно, но...'

- Даже, если они проявят милосердие, Ибай всё равно будет казнён, - сказал Измаил. - Как и мы с тобой.

- 'Буду удивлён, если они сохранят жизнь хоть одному из наших жнецов,' - сказал Ролтам. - 'Не-слуг могут пощадить, но их будут избегать всю оставшуюся их жизнь, и больше им не будет позволено держать должности в стране. Оставить нашей семье хоть немного власти будет всё равно, что попросить наших людей предать их в следующий раз, когда они будут уязвимы.'

- Думаю, ты прав.

- 'На мой взгляд, звучит как выбор.'

- Не сдаёмся.

- 'Тогда будем наблюдать за этим до горького конца.'

Словно по сигналу, другой жнец залетел в Зал. Это был Оррик. - 'Враги прорвались в замок,' - проинформировал он их. - 'Сюань Сиболт ведёт их команду, так что нам с Мельчором придётся встретить их. Ваша поддержке будем очень благодарны.'

Измаил встал.

<http://tl.rulate.ru/book/1701/157742>